

А.А. Малиновский

**Краткий курс экономической
науки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.А. Малиновский**
Краткий курс экономической науки / А.А. Малиновский – М.: Книга по Тре-
бованию, 2019. – 264 с.

ISBN 978-5-518-00583-9

ISBN 978-5-518-00583-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Введение.

I. Определение экономической науки.

Всякая наука представляет систематизированное познание явлений определенной области человеческого опыта. Познание явлений сводится к тому, чтобы овладеть их взаимной связью, установить их соотношения и тем самым иметь возможность использовать их в интересах человека. Подобные стремления возникают на почве хозяйственной деятельности людей, в процессе трудовой борьбы человечества—борьбы, которую оно неизменно ведет с природой за свое существование и развитие. В своем трудовом опыте человек наталкивается, например, на то, что трение сухих кусков дерева друг о друга при достаточной силе и длительности дает огонь, что огонь обладает замечательной способностью производить такого рода изменения в пище, которые облегчают работу зубов и желудка, а вместе с тем дают возможность довольствоваться меньшим количеством пищи. Практические потребности человечества, таким образом, толкают его к установлению связи между этими явлениями—к их познанию; уяснив себе их связь, человечество уже начинает пользоваться ею, как орудием в своей трудовой борьбе. Но такого рода познание явлений, конечно, еще не представляет собою науки,—она предполагает систематизированное познание всей суммы явлений определенной отрасли трудового опыта. В этом смысле познание связи между трением, огнем и пр. может рассматриваться только как зародыш науки, именно той науки, которая в настоящее время объединяет физико-химические процессы.

Специальным предметом нашей экономической науки, или политической экономии ¹⁾, является область общественно-трудовых отношений между людьми. В процессе производства люди в силу естественной необходимости становятся в известные отношения между собой. История человечества не знает такого периода, когда люди вполне разрозненно, по-одиночке, добывали бы себе средства к жизни. Уже в самые незапамятные времена охота на дикого зверя, перенесение тяжестей и т. п. требовали простого сотрудничества (кооперации); усложнение хозяйственной

¹⁾ Экономическую науку называют еще «национальной экономией» (немецкое «Nationalökonomie»). Наиболее распространенный термин «политическая экономия» складывается из греческих слов: «экономия», что значит наука о хозяйстве, и «политическая» т. е. «гражданская». Последнее слово употреблено здесь в смысле «общественный» или «социальный» что одно и то же.

деятельности повлекло за собой разделение труда между людьми, при котором в общем хозяйстве один выполняет одну необходимую для всех работу, другой—другую и т. д. Как простое сотрудничество, так и разделение труда ставят людей в определенную связь между собою и представляют первичные, элементарные производственные отношения. Область таких отношений не исчерпывается, конечно, простым сотрудничеством и разделением труда; она гораздо сложнее и шире.

Переходя от низших ступеней развития человечества к высшим, мы сталкиваемся с такими фактами: крепостная часть продукта своего труда отдает помещику, рабочий работает на капиталиста; ремесленник производит не для личного потребления, а в значительной доле для крестьянина, который, со своей стороны, часть своего продукта прямо или через торговцев передает ремесленнику. Все это—общественно-трудовые связи, которые образуют целую систему производственных отношений в широком смысле этого слова. Они охватывают, следовательно, и присвоение, и распределение продуктов в обществе.

Сложность и широта производственных отношений проявляются особенно сильно в развитом меновом хозяйстве. Так, например, при господстве капитализма устанавливаются постоянные общественные отношения между людьми, никогда не выдавшими друг друга и часто не имеющими даже никакого представления о тех прочных нитях, которые связывают их между собой. Берлинский биржевик может иметь акции какого-нибудь южно-американского завода. В силу одного только факта владения этими акциями он получает ежегодную прибыль с этого предприятия, т.-е. часть продукта, созданного трудом южно-американского рабочего, или, что практически равносильно этому, часть ценности его продукта. Между берлинским биржевиком и южно-американским рабочим устанавливаются, таким образом, невидимые общественные отношения, которые и должна исследовать экономическая наука.

«В общественном отпращивании своей жизни люди вступают в известные, от их воли не зависящие отношения—производственные; отношения эти всегда соответствуют данной достигнутой ступени развития их материальных производительных сил»¹⁾, т.-е. общественно-технических или общественно-трудовых отношений людей к внешней природе. Это значит, что люди в процессе борьбы с внешней природой необходимо становятся в такие отношения между собой, которые соответствовали бы условиям и способам этой борьбы: охота, например, требует других способов сотрудничества, чем грандиозные оросительные работы скудных влагой местностей; современное машинное производство ставит рабочих в другие взаимные отношения, чем основанная на ручном труде мануфактура. «Совокупность этих производственных отношений,—продолжает Маркс,—образует экономическое строение общества; оно есть реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще».

---

¹⁾ Карл Маркс. К критике политической экономии.

С точки зрения этих идей, составляющих сущность теории исторического материализма, экономические отношения жизненно-необходимы; они неизбежно складываются в зависимости от степени развития производительных сил и образуют поэтому основное строение общества—канву, на которой вышиваются все многообразные и сложные узоры общественно-трудовой жизни человечества. Политическую экономию можно поэтому с полным правом назвать наукой об основном строении общества.

Говорим ли мы о широких исторических перспективах или о развитии общественного сознания, обсуждаем ли мы вопросы внешней политики или религии,—мы никак не можем оторваться от экономических связей общества, от его основного строения: мы неизменно должны пользоваться выводами экономической науки. Нашу науку, вследствие этого, можно считать основной в системе социальных наук. В этих науках она играет такую же роль, как физика и химия при изучении всех органических и неорганических процессов. И если ботаник, зоолог, астроном и агроном окажутся безоружными, не усвоив выводов физики и химии, то в такое же положение попадут социолог, историк и юрист, если им чужда политическая экономия.

Более того. В такое же положение попадает в этом случае каждый гражданин, желающий активно участвовать в общественной борьбе и работе.

Как и всякая наука, политическая экономия возникает первоначально из практических потребностей человечества в его трудовой борьбе с природой. На известной ступени развития общества создается такое положение, что люди попадают под власть своих общественно-трудовых отношений. Над человеком, над его трудом и благосостоянием начинают господствовать рынок, конкуренция, колебания цен и целый ряд других экономических явлений; к ним он принужден во что бы то ни стало приспособляться, они как бы обращают его в своего раба. Понятно, что это должно порождать стремление к познанию всех этих явлений—к познанию, которое дало бы возможность их предвидения и целесообразного воздействия на них. Этим и объясняется тот факт, что политическая экономия, как наука, стала развиваться лишь в XVI—XVII в. в., как раз тогда, когда рост менового хозяйства принес с собою стихийную власть рынка и денег над людьми.

По своей основной задаче, экономическая наука занимается изучением общественно-трудовых отношений между людьми. Но она не может, однако, не касаться при этом других сторон процесса производства: она необходимо должна принимать во внимание его техническую и идеологическую сторону, поскольку от той и другой зависит его развитие.

Мы уже указали, что именно развитием технических способов производства определяются экономические отношения вообще. Ясно, до какой степени важны для нашего исследования факты технической жизни. Если мы не примем в расчет таких явлений, как технический переворот конца XVIII века, как изобретение паровой машины и механического ткацкого станка, или как применение пара к мореплаванью и т. п., то мы не поймем целого ряда экономических явлений первостепенной важности.

То же самое относится к идеологии. Все ее формы: речь, познание, нормы обычая, права, морали, политический строй и т. д. представляют на

деле в жизни общества организационные орудия. Таким орудием является в процессе производства, например, речь, при помощи которой работнику указывается его место и роль в труде и без которой этот труд приносил бы плоды вавилонского столпотворения. Такую же организующую роль играют нормы права, когда они устанавливают и закрепляют барщину, даже ритмическая музыка или пение «дубинушки», когда они координируют трудовые усилия людей.

Сами идеологические формы возникают, как сказано выше, из технических условий производства и экономических отношений; но, раз появившись, они, как орудия организации, в свою очередь, оказывают влияние на технику и экономику, именно—они способствуют или же накладывают пути на развитие производства. Экономической науке, вообще говоря, нет никакого дела до догматов католической церкви; но коль скоро эта церковь становится опорой отживающих феодально-крепостнических отношений, коль скоро она этим самым становится поперек пути более прогрессивным, с точки зрения политической экономии, отношениям капиталистическим, наша наука не может не учитывать этого факта.

Общественные отношения не представляют чего-либо постоянного, неизменного; они непрерывно изменяются, как все в природе. В их изменениях выражается или прогресс, или упадок силы общества, победа общества над природой или природы над обществом. Было время, когда люди жили маленькими, тесно сплоченными общинами, независимыми друг от друга; тогда производственные отношения были очень узки и несложны, а распределительные сводились к прямому распределению; теперь человеческие общества громадны, экономические отношения в высшей степени сложны; но между прошлым и настоящим устанавливается непрерывная цепь развития. Бывали факты и другого рода—когда сила общества в борьбе с природой падала, обширные общественные связи порывались, экономические отношения становились более узкими и несложными; тут науке приходится проследивать другую непрерывную цепь изменений, цепь не развития, а упадка, деградации. В вопросах развития и деградации—весь интерес науки, потому что наука есть одно из орудий человечества в борьбе за жизнь, за развитие.

Этим намечается в существенных чертах и порядок дальнейшего изложения.

II. Методы экономической науки.

Экономическая наука, как и другие науки, пользуется двумя основными методами исследования: это—1) индукция, метод обобщающий, идущий от частного к общему, и 2) дедукция—метод, применяющий обобщения, делающий выводы от общего к частному.

Метод индукции выражается, прежде всего, в обобщающих описаниях. Имея ряд явлений, мы отыскиваем то, что в них есть общего, и получаем этим путем первые обобщения. Отыскивая далее черты сходства уже между ними, мы приходим к обобщениям второго порядка, и т. д. Если мы

дзяли ряд, например, хозяйств кузнецов, то мы можем найти в них общие черты и, выделив это общее, составить себе понятие о хозяйстве кузнеца вообще. То же самое мы можем проделать с хозяйствами переплетчиков, булочников, портных и т. д. Сопоставляя полученные таким образом первые обобщения и выделив то, что есть сходного между ними, мы можем получить понятие о хозяйстве ремесленника вообще. Перед нами тогда будет обобщение второго порядка. Выделяя общие черты из этого и из другого обобщения, именно относящегося к хозяйству крестьян, мы можем прийти к более широкому обобщению—«хозяйство мелкого производителя». Если мы отметим общие черты такого ряда сходных явлений, то мы тем самым дадим обобщенное описание.

Процессы жизни так сложны и разнообразны, что простое описание легко запутывается в них: в явлениях очень близких между собою одни и те же признаки то имеются налицо, то отсутствуют, выражены то сильнее, то слабее; все это часто чрезвычайно затрудняет обобщение и усложняет описание. В этих условиях приходится прибегать к другому методу, к индукции статистической.

Статистический метод выясняет, насколько часто встречаются те или иные признаки в данной группе явлений, и в какой степени они при этом выражены. При помощи обобщающего описания мы по признаку обладания имуществом выделяем из общества «собственников» и «не-собственников». Метод подсчета, статистики, может внести в наше исследование ясность и точность, т.-е. показать, насколько часто повторяется в обществе людей указанный нами признак и в какой мере. Пользуясь статистическим методом, мы можем прийти к заключению, что из 100 миллионов человек, положим, 80 милл. сходны между собой в том, что они имеют собственность, а 20 милл.—в том, что они таковой не имеют,—а также сколько среди собственников миллионеров, богатых, бедных людей и пр. Но этим роль нашего метода не ограничивается. Такие же подсчеты могли, например, установить, что в том же обществе 10 лет тому назад на 100 членов было 85 собственников, и еще на 10 лет раньше—90. Устанавливается, таким образом, и тенденция развития, т.-е. направление, в котором совершаются изменения наблюдаемых фактов. Но откуда взялась эта тенденция, и как далеко она может идти, это остается неизвестным: наши подсчеты не могли показать, почему число людей, которые разоряются, больше, чем число неимущих, которые за тот же промежуток времени становятся собственниками.

Дело в том, что статистический метод, давая более совершенное описание фактов, не дает, однако, их объяснения. Каждое явление, а в особенности экономическое, представляет сложный результат многих причин. Статистический метод не в состоянии выделить эти причины из их сцепления, он не может определить, какие из них более общие, основные, какие из них второстепенные, случайные и, наконец, как те и другие соединяются в действительности. В рассмотренном нами примере может оказаться, что число собственников, которое в ряду лет уменьшалось, затем постепенно или вдруг начнет увеличиваться: это может случиться, например, вследствие

аграрной революции, которая поделила огромные поместья нескольких тысяч владельцев между миллионами батраков и превратила их в собственников. Статистический метод не в силах найти основу явлений, и мы должны для этой цели прибегнуть к методу абстрактно-аналитическому.

Сущность этого метода заключается в упрощении фактов путем их разложения (анализа). Из изучаемых фактов выделяются и устраняются разные усложняющие условия, так, чтобы обнаружилась самая основа явления. Выделить, абстрагировать («абстрагировать» — значит «отвлекать») эти условия приходится либо практически, либо мысленно. Практически абстрагирование производится очень часто в естественных науках. Оно заключается в том, что исследуемое явление природы воспроизводится искусственно, лабораторным путем, который и дает возможность изолировать это явление от целого ряда обычно усложняющих его условий. Обратимся, например, к падению тел. Большинство из них падает вертикально, иные быстрее, другие медленнее, некоторые тела падают по кривой или зигзагом, а некоторые не только не падают, а летят даже вверх. Наблюдая зависимость всех этих явлений, например, от движения ветра, не трудно догадаться, что сопротивление воздуха играет здесь роль усложняющего условия. Отсюда сама собою вытекает задача; отвлечься, по возможности, от этого условия. Мы воспроизводим процессы падения в искусственно созданной нами обстановке: заставляем тела падать в трубке, из которой выкачан воздух. Тогда оказывается, что и свинец, и пух, и бумага падают вертикально и с одинаковой скоростью. Таким образом мы находим основную и постоянную тенденцию данной группы явлений, их основу; мы говорим: все тела падают по направлению к центру земли с одинаковой скоростью. Владея этой закономерностью, можно далее исследовать влияние сопротивления воздуха — главную усложняющую тенденцию, а затем влияние ветра, случайных толчков, и явление «объясняется» все полнее, все точнее.

Но осуществлять практически подобного рода абстрагирование можно не всегда и не при всех явлениях. Оно недоступно, например, таким наукам, как небесная механика; оно недоступно и нашей науке. Ей приходится прибегать к мысленному отвлечению усложняющих условий наблюдаемых фактов. Лучше всего сущность этого метода выяснить на примере. Статистика устанавливает, что в капиталистических странах, за большой промежуток времени, крупные капиталы растут, что количество средних и, особенно, мелких капиталов уменьшается и что количество пролетариев, лишенных капитала, при этом возрастает. Скорость этого процесса, однако, различна в разных странах, в одном случае он развивается быстрее, в другом медленнее, в третьем наблюдаются и обратные явления, в четвертом они даже временно получают перевес. Данные, например, статистики убеждают нас, что в общем указанные явления имеют место во всех капиталистических странах; но чистого капитализма нигде не существует: к нему всюду примешиваются остатки феодально-крепостнического строя, ремесленно-цехового хозяйства и даже форм гораздо более отдаленного прошлого. Для изучаемого явления — это, несомненно, усложняющие обстоятельства. Чтобы отвлечься от них, мы располагаем свои данные в ряд следующим образом: на первом месте мы ста-

вим страны, в которых пережитки прежних форм хозяйства наиболее сильны, напр., Персию и Турцию; на втором месте мы помещаем страны, где эти пережитки менее значительны, напр., Россию и Японию, — и т. д., вплоть до стран, где капитализм, как в Англии и в Соединенных Штатах, меньше всего осложняется остатками прежних экономических отношений. Оказывается, что рассматриваемый процесс (процесс концентрации капиталов) протекает наиболее отчетливо и правильно, в наиболее чистой форме именно там, где слабее всего остатки отживающих докапиталистических форм. Продолжая мысленно наш ряд вплоть до полного отвлечения от этих остатков, мы приходим к представлению о чистом капитализме, и мы делаем следующий вывод: основной и постоянной тенденцией капитализма является концентрация капиталов. Этот абстрактный вывод есть абстрактный закон капитализма.

Таковы сущность и значение трех видов индуктивного метода: точно описывая явления, определяя их количественно и устанавливая их основные закономерности, они дают им «объяснение»; а вместе с тем они готовят прочную основу для научного предвидения, которое осуществляется посредством дедуктивного метода.

Этот метод состоит в том, что обобщения и законы, добытые индукцией, прилагаются к частным случаям, и таким образом выводятся их «объяснение» и относящиеся к ним предсказания. «Предсказания» и «предвидения» — не что иное, как подобные выводы.

Дедукция бывает простая и сложная. Если, напр., установлено, что развитие капитализма связано с процессом концентрации капиталов, то мы можем, применительно к Японии, вступившей на путь капиталистического развития, утверждать, что там должна происходить гибель мелких производителей, рост пролетарских масс и т. д. Мы применяем здесь только одно индуктивно добытое положение; это случай простой дедукции. — Но для понимания и предвидения определенного частного случая науке гораздо чаще приходится применять несколько индуктивных обобщений или законов сразу. Это будут случаи сложных дедукций. Если нам нужно, например, предсказать движение цен на товары, то мы должны принять в расчет целый ряд обобщений и абстрактных законов, относящихся к изменению трудовой стоимости этих товаров, к изменению стоимости самих денег, к влиянию частно-капиталистических монополий и т. д., и т. д.

Совершенно ясно, что надежность и точность всякой дедукции зависят от тех общих положений, из которых делаются наши выводы. Поэтому сила дедукций покоится всецело на надежности того, что дает нам индуктивный метод. В этом смысле вывод (дедукция), сделанный из обобщающего описания, менее надежен, чем вывод из статистически установленных положений; наиболее же строгие и точные выводы те, которые основываются на общих законах явлений. Но так как последние получаются методом абстрактно-аналитическим, то именно он и является главной и лучшей опорой для метода дедуктивного.

Когда установлены абстрактные законы явлений, т.-е. выделены главные их тенденции и дана связь последних с определенными условиями, то

достаточно знать основные из этих условий, чтобы в существенных чертах предвидеть ход соответствующих событий. В этом вся сила науки вообще и экономической в частности.

III. Система изложения.

Общественные отношения производства и распределения изменяются постепенно, последовательно, мало-по-малу. Быстрых переходов не бывает, резких границ между предыдущим и последующим не наблюдается. Тем не менее, изучая экономическую жизнь какого-нибудь общества, ее по большей части возможно бывает разделить на несколько периодов, значительно различающихся строем общественных отношений, хотя и не резко отделенных один от другого.

Наибольший интерес для нас представляет—и в то же время наиболее исследован наукою—ход развития тех обществ, которые вошли в состав «цивилизованного» человечества наших времен. В основных чертах путь развития этих обществ оказывается повсюду сходным. Намечаются до настоящего времени две главных фазы, протекавшие в различных случаях неодинаково в частности, но в существенном почти одинаково, и одна фаза, которой принадлежит будущее.

I. Первичное натуральное хозяйство. Его отличительные особенности: слабость общественного человека в борьбе с природой, узость отдельных общественных организаций, несложность общественных отношений, отсутствие или ничтожное развитие обмена, крайняя медленность происходящих изменений в общественных формах.

II. Меновое хозяйство. Размеры общественного производства и разнородность его элементов возрастают. Общество представляется сложным, целым, состоящим из отдельных хозяйств, которые лишь в относительно малой или в ничтожной степени удовлетворяют свои потребности собственными продуктами, в наибольшей же части—продуктами других хозяйств, именно при посредстве обмена. Развитие идет через борьбу интересов и социальные противоречия; скорость его возрастает.

III. Социально-организованное хозяйство—еще не достигнутая ступень развития. Размеры и сложность производства продолжают непрерывно возрастать, но разнородность его элементов переходит на орудия и методы труда, сами же члены общества развиваются в сторону однородности. Производство и распределение планомерно организованы самим обществом в единую, целостную систему, чуждую дробления, противоречий, анархии. Процесс развития все более ускоряется.

При анализе общественных отношений каждого периода необходимо выяснять, почему и каким образом они возникли, почему и каким образом изменялись, переходя в новые отношения.

Благодаря неразрывной связи экономических явлений с правовыми и идейными, экономическая наука не может обойти вопроса о той взаимной связи, в которой находится развитие этих трех областей общественно-человеческой жизни.

Натуральное хозяйство.

I. Первобытный родовой коммунизм.

Данный, на основании которых приходится изучать жизнь первобытных людей, нельзя назвать богатыми. Никакой литературы от времени первобытного человека не осталось, так как ее тогда и быть не могло. Единственными памятниками этого периода являются находимые в земле кости, орудия и проч., а также следы доисторических общественных отношений, сохранившиеся в обычаях, культе, сказаниях, корнях слов и т. д.

Есть еще важный источник, которым можно пользоваться при исследовании жизни первобытного человечества, это—жизнь, отношения, обычаи современных дикарей, особенно тех из них, которые стоят на самых низких ступенях развития. Но, прибегая к этому источнику, необходимо соблюдать большую осторожность в выводах. Теперь уже не найдется дикарей, которым никогда не приходилось бы иметь сношений с более развитыми народами; и легко впасть в серьезную ошибку, приняв за остаток первобытных обычаев то, что на самом деле заимствовано в сравнительно недавнее время. Возможны также ошибки другого рода. Иное племя, уже до известной степени развившее культуру, вновь утрачивает большую часть ее приобретений вследствие неудачно сложившейся исторической жизни. Принимая такое одичавшее племя за первобытно-дикое, можно сделать много неверных выводов.

Во всяком случае, и того запаса данных о жизни первобытных людей, какой имеется в настоящее время, достаточно, чтобы выяснить основные черты общественных отношений «доисторической» эпохи.

1. Первобытные отношения человека к природе.

В борьбе с природой первобытный человек вооружен до крайности плохо, хуже многих зверей. Природные орудия—руки, ноги, зубы—у него гораздо слабее, чем, напр., у больших хищных животных. Орудия же искусственные, те, которые теперь дают человеку решительный перевес над остальной живой и мертвой природой, тогда были плохи, грубы, и слишком мало их было в распоряжении человека, так что они не могли значительно облегчать ему борьбу за существование.

В этой тяжелой борьбе первобытный человек далеко не является царем природы. Совсем напротив: первый период жизни человечества есть период угнетения, рабства человека. Только угнетателем и господином является не другой человек, а природа.

Первыми орудиями были, несомненно, камень и палка. Орудия эти, взятые прямо из природы, можно, повидимому, найти даже у высших обезьян. Но уже теперь нигде не осталось таких дикарей, которые не знали бы иных орудий.

Мозг первобытного человека слаб, неразвит. Для умственной работы у него не остается времени среди постоянной, изнуряющей борьбы, в которой ни на минуту не прекращается опасность смерти.

И тем не менее человек развивается. Тупой, угнетенный раб природы, добывая средства к жизни, борясь за свое существование, он в процессе труда знакомится с предметами и силами природы, из поколения в поколение передает и накапливает опытность, улучшает орудия. Со страшной медленностью, в течение многих тысяч лет делаются одно за другим изобретения и открытия. Изобретаются все такие вещи, которые человеку наших времен кажутся чрезвычайно простыми. Но они очень недешево достались первобытному человеку. Путем соединения камня и палки, обработки их, приспособления к разным целям, из этих первобытных орудий произошли многие другие — каменные топоры, молотки, ножи, копья и т. п.

К самым ранним ступеням существования человечества надо отнести и открытие огня. Человек мог первоначально познакомиться с огнем благодаря молнии, извержениям вулканов или лесным пожарам, которые нередко возникают без всякого участия людей. Осмотр пожарища мог познакомить наших отдаленных предков с согревающими свойствами огня; при этом им случалось на опыте подмечать, что фрукты и мясо под действием умеренного огня становятся вкуснее и мягче, и практически использовать эти полезные его свойства. На первых порах огонь, надо думать, не добывался искусственным путем, а попросту поддерживался. Добывание его посредством трения и высекания искр из кремня стало применяться лишь на более высокой ступени развития техники.

Постоянного жилища первобытный человек не имел. От стужи, зноя, дождя он укрывался под густыми лиственными деревьями, в кустарниках и в пещерах. Этой цели могли служить и дупла деревьев, и покрытые хворостом ямы, на дне которых теплился нераздуваемый ветром огонь. Разного рода шалаши, переносные и постоянные жилища, несомненно, были продуктом более позднего времени.

Таков был в общих чертах запас тех средств, которыми пользовался человек в борьбе за существование. Более совершенные, но с точки зрения современного человека безусловно примитивные орудия явились позже. К их числу можно отнести, например, крючок из рыбьих костей, плот, развившийся затем в лодку, и, наконец, лук и стрелы, поставившие человека на один уровень с самыми сильными животными.

Так шел мало-по-малу прогресс производительного труда в этот ранний период жизни человечества.

Промышленность сводилась к добыванию плодов с деревьев, охоте за мелкими зверьями, рыбной ловле, приготовлению грубых орудий из камня, дерева и кости, и грубой одежды из шкур. Этот тип производства можно обозначить как охотничий, подразумевая под охотой добывание из